

Бондаренко Ю.Я., кандидат философских наук, профессор
Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова

Бондаренко О.Ю., аспирантка
Московский государственный университет

КРИТИКА ЦИВИЛИЗАЦИИ ГЕНРИ ТОРО В СВЕТЕ ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Критика и даже отторжение цивилизации – настолько повторяющийся феномен в истории мировой культуры, что в своей целостности он требует совершенно особого анализа. В данной статье мы лишь абрисно очертим ряд отдельных его аспектов, сосредоточившись прежде всего на нескольких, но весьма существенных моментах критики цивилизации, данной известным американским мыслителем Генри Дэвидом Торо. Однако осмыслить в должной мере собственные поиски Торо, на наш взгляд, можно лишь рассматривая их в контексте мировой культуры в целом.

Итак, что же порождало доходящую до отторжения критику цивилизации, звучавшую уже с самых древних времен у даосов, киников, христиан (особенно ранних), представителей монашества, тех или иных христианских сект, а позже – у Руссо, в иной форме – у Маркса и т.д., вплоть до хиппи и битников и более поздних проявлений религиозного коммунизма?

Думается, что здесь было бы уместно отметить разные черты, грани и, возможно, «слои» этого неприятия цивилизации. Первая и общая черта самых различных протестных антицивилизационных или своего рода контркультурных движений, как еще глубокой древности, так и более поздних эпох – это болезненное ощущение разрыва Человека с Природой, утраты им девственной естественности и простоты, которое образно и глубоко символически передано, в частности, в библейской истории о грехопадении и изгнании из Эдема. Ощущение это рождено парадоксальным ходом самой истории, когда Цивилизация, одаряющая людей массой удобств и благ, несет вместе с тем множество условностей и того, что может представляться совсем необязательным для выживания конкретных ин-

дивидов и, более того, подчас мешающим их подлинному саморазвитию.

Ощущение это неотделимо от болезненного восприятия искусственности, «неподлинности» мира цивилизации, загроможденного ложными ценностями и фальшивыми эталонами и алогичными, с точки зрения отторгающих, моделями поведения.

Третья черта – это критика изнеженности и обрюзглости, несомой цивилизацией тем, кто, утрачивая энергичность и мужественность, становится легкой добычей более закаленных детей своего времени.

Четвертая – это отчаянный протест против социальной несправедливости, порождаемой усложнением общественных структур и зримым «расслоением» общества.

Пятая же черта – критическое отношение к системам воспитания и образования, которые видятся критикам неотделимыми от ложных целей и несправедливых, порочных отношений между людьми.

Наглядный образец такого, причем в определенных его формах, очень последовательного отторжения цивилизации дает ранний даосизм. Здесь «естественный человек», мудрец, – это тот, кому «в уединении слава не нужна», не нужны почести и богатства, а, следовательно, и чтимая обществом ученость, которая в мире ложных ценностей оказывается ступенью не к мудрости, а к внешним благам, неотделимым от суетности и пресмыкания перед властью имущими.

Похожей выглядит и критика цивилизации со всеми ее привычными благоглупостями и у киников. Но здесь, пожалуй, наблюдается не только сходство, но и отличие. С одной стороны кинический мудрец наглядно демонстрирует, как в мире непредсказуемых капризов Фортуны,

можно обходиться бесконечно малым и при этом чувствовать себя самодостаточным. Тот же Диоген изображается в старом плаще, с посохом и глиняной чашкой – атрибутами поучительной аскетичности, дополняемыми знаменитой амфорой – глиняной бочкой, являвшими всему тогдашнему миру, как немного надо человеку для поддержания душевного равновесия. Но, с другой стороны, в отличие от раннего даосизма, кинизм – не отторжение цивилизации, а скорее ее саркастическая тень. Та же бочка Диогена расположена не на берегу ручья или в лесной тиши, а в людном месте, да и сам Диоген (как он обрисован античными авторами) постоянно стремится к людям, на агору, будоража и поддразнивая мысль, прикованных к обиходной жизни людей. Постоянно осмеивая цивилизацию, киник, тем не менее, кормится ею, точно так же (насколько эту «точность» позволяет смена эпох и ситуаций), как столетия спустя будут отторгать цивилизацию, кормящиеся же ею хиппи и битники.

Более близкий к даосскому идеал уже в эпоху. Просвещения выдвинет Руссо, прославившийся тем, что в середине 18-го века написал, признанное лучшим, сочинение на тему «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» (Сочинение называлось «Рассуждения о науках и искусствах» – 1750г.) «Посмотрите на Грецию, когда-то населенную героями..., – восклицал Руссо. – Нарождающаяся письменность еще не внесла порчи в сердца обитателей этой страны, вскоре за нею последовали успехи искусств, разложение нравов, македонское иго, и Греция – всегда ученая, всегда изнеженная и всегда поработенная – отныне стала только менять своих повелителей. Все красноречие Демосфена не в состоянии было вдохнуть свежие силы в общество, расслабленное роскошью и искусством... Люди испорчены, но было бы еще хуже, если бы они имели несчастье родиться учеными...» [1;568 - 569].

Резкую критику цивилизации мы встречаем и у американского философа – романтика Генри Торо (1817-1862), кото-

рый не только излагал свои идеи, но и стремился опробовать их на себе, проведя более двух лет на лоне природы у Уолденского озера, итогом чего явилась его знаменитая книга «Уолден, или жизнь в лесу». Помимо прочего, эта книга интересна и тем, что насыщена размышлениями об изъянах современной автору цивилизации, размышлениях, не потерявших своей значимости и в наши дни. Предваряя разговор об этих размышлениях, хотелось бы заметить, что любая критика цивилизации, государства, рационализма имеет, по меньшей мере, два плана: первый – это цивилизация, государство, рациональность, как таковые. Второй – государство, цивилизация, рациональность, культура ... именно своего времени, хотя внешне речь может идти об общей критике цивилизации и т.д.

Не претендуя на целостный анализ философии Торо, который, к тому же делался уже не раз, хотелось бы сосредоточиться именно на ряде моментов его философской критики цивилизации. Особый интерес представляет акцентирование внимания Торо на ценностно-целевом аспекте человеческой деятельности, на соотношении цены достигнутого и реальной значимости того, что в его обществе было принято считать достижениями. «Я много бродил по Конкорду, – пишет Торо, – и всюду – в лавках, в конторах и на полях – мне казалось, что жители на тысячу разных ладов несут тяжкое покаяние». «Покаяние» по тяжести своей, сопоставимое с добровольными истязаниями, которым подвергают себя индийские аскеты, либо подвигами Геракла, только неограниченными числом и не увенчивающимися достижением высокой цели. Никому из этих узников цивилизации не удастся, по ироничному замечанию Торо, не только сразить какое – либо чудовище, но и просто завершить хотя бы часть своих трудов.

«Я, – продолжает Торо, – вижу моих молодых земляков, имевших несчастье унаследовать ферму, дом, амбар, скот и сельскохозяйственный инвентарь, ибо все это легче приобрести, нежели сбывать с рук. Лучше бы они родились в открытом

поле и были вскормлены волчицей; они бы тогда яснее видели, на какой пашне призваны трудиться. Кто сделал их рабами земли? За что осуждены они съесть шестьдесят акров, когда человек обязан за свою жизнь съесть всего пригоршню грязи?

Зачем им рыть себе могилы, едва успеет родиться?... Сколько раз я встречал бессмертную душу, придавленную своим бременем: она ползла по дороге жизни, волоча на себе амбар..., свои Авгиевы конюшни, которые никогда не расчищаются, и 100 акров земли ...» [2;7-8].

Показательно, что живописуя картину придавленности своего современника и соотечественника обыденностью, Торо подчеркивает, что он пишет не о сильных, знающих свое дело, «будь то в небесах или аду», а о тех, кто страдает от собственной придавленности, будь он внешне и весьма богатым, ибо это – «по видимости богатый, а на деле удручающе нищий класс, который накопил груды мусора, но не знает, как ими пользоваться, или как от них освободиться, и сам себе сковал золотые и серебряные оковы» [2;21 - 22].

Перед нами острейший вопрос, мучавший человечество не одно тысячелетие: жить, чтобы есть и умножать богатства, или есть, чтобы жить? Иными словами, стоит ли каторжный труд свободного вроде бы человека затрачиваемых усилий, если на все прочее, кроме обогащения, сил, и физических, и духовных, уже не остается? Не о том ли и прозвучавший на другом конце света диалог Обломова и Штольца? Диалог, во время которого Штолец рисует перед Обломовым картину возрастающего числа заводов и прочего, на что получает наивно детский ответ: а зачем ему столько?

Нет, Торо – не враг труда. Он лишь враг такого труда, при котором обогащение и следование общепринятым стандартам становятся самоцелью, фантомом, стремление к которому высасывает все силы из тела и души. Чтобы этого не происходило, по Торо, надо уяснить реальные потребности человека, дабы суметь отместить искусственные, включающие,

бесспорно, и стремление к чрезмерному комфорту и роскоши. «Большая часть роскоши, – размышляет Торо, – и многое из так называемого комфорта не только не нужны, но и положительно мешают прогрессу человечества. Никто не был так беден земными благами и так богат духовно, как древние философы Китая, Индии, Персии и Греции... То же самое можно сказать и о реформаторах и благодетелях человечества, живших в более поздние времена. Нельзя быть беспристрастным и мудрым наблюдателем человеческой жизни иначе, как с позиций, которые мы назвали бы добродетельной бедностью».

Но почему же? Потому, что, по убеждению Торо, «живя в роскоши, ничего не создашь, кроме предметов роскоши...».

От этих вопросов Торо органично переходит к размышлениям о философии, ее сути и назначении. «У нас есть профессора философии, но философии нет», – категорично констатирует он. Хорошо учить – это учить на собственном примере. «Быть философом – значит не только мыслить или даже основать школу; для этого надо так любить мудрость, чтобы жить по ее велениям – в простоте, независимости, великодушии и вере...» [2;19-20].

Главный акцент его последовательных размышлений – это внимание к внутреннему, без которого все внешнее, по мысли Торо, оборачивается бессмыслицей и ложью. Одежда и та должна быть следствием его дел, а не прологом видимого успеха: «Если сам человек не обновился, как может новое платье прийти к нему в пору?» [2;30]. «Только серьезный взор, выглядывающий из одежды, и искреннее сердце, которое под ней бьется, сдерживает смех и освящает любую одежду» [2;33]

Конечно, сегодня многие советы американского философа-романтика относительно одежды основной массе наших современников могут показаться странными. Легко сказать: предпочитай старое, но еще годное к носке, модному;

но не так-то просто следовать в обыденной жизни такому совету.

Однако глубинный смысл размышлений Торо остается жизненным и по сей день. Смысл этот в поисках самого себя вопреки деспотизму обычая и моды. Обычай же этот неотделим от того, что вскоре Фрейд назовет супер-эго. От диктатора внешнего, превратившегося в деспота, сидящего внутри нас самих: «Общественное мнение, – подмечает Торо, – Далеко не такой тиран, как наше собственное. Судьба человека определяется тем, что он сам о себе думает». [2;17].

Как видим, у Торо критика так называемой цивилизации – это критика ценностей, ограниченных и замкнутых на повседневности. Еще один аспект этой критики – решительная критика современного ему образования – как системы и как того, с чем реально сталкивались разбросанные по всей Америке маленькие провинциальные городки.

Предъявляя системные, как бы сегодня выразились педагоги, претензии к образованию, Торо писал о его оторванности от жизни и той цене, которой достигается это, так называемое образование, хотя «то, что стоит всего дороже, не то, что всего нужнее студенту» [2;61]. Речь тут и о дороговизне жилья для учащихся. И об отдаленности ученых занятий от жизни и собственно физического труда, и, соответственно, от знаний, которые, занимаясь полезным трудом, можно было бы получать попутно. «Кто научится большому к концу месяца, – вопрошает Торо, – мальчик, который сам выковал себе нож из металла им самим добытого и выплавленного, и прочел при этом столько, сколько нужно для этой работы, или мальчик, который вместо этого посещал в институте лекции по металлургии и ножик ... получил в подарок от отца? Кто из них скорее обрежет себе палец? Даже бедному студенту преподают только политическую экономию, а экономией жизни, или, другими, словами, философией в наших колледжах никто серьезно не занимается. В результате, читая Адама Смита, Риккардо..., студент влезает в долги и разоряет своего отца...» [2;63].

С другой стороны, в провинции дети слишком поздно начинают учиться, оттого, что очень рано погружаются в хозяйственные дела своих родителей.

Здесь очерчен целый клубок проблем, и одна из острейших – проблема сочетания теоретической подготовки с развитием практических навыков, которые включали бы и навыки производительного физического труда. Показательно, что в середине того же, девятнадцатого века еще молодые Маркс и Энгельс в своем «Манифесте Коммунистической партии» обозначили в числе десяти наиважнейших мер, осуществление которых возможно в наиболее развитых странах, следующее: «10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством» [3;127].

В Советском Союзе пробовали применить это положение на практике. Опыт с введением одиннадцатилеток, когда учащиеся старших классов в силу довольно случайных причин (наличие определенного предприятия рядом со школой) должны были еще школьниками овладевать азами конкретной профессии, оказался неудачен. Но система ГПТУ, СПТУ и техникумов приносила свои явные плоды; и крах этой системы породил немало проблем на постсоветском пространстве.

Но вернемся к Генри Торо. Ратуя за соединение практически направленной творческой деятельности с учебой, он при этом не отменял и чтение, как таковое. Напротив, чтению посвящена целая глава в упомянутой здесь книге. И глава эта – гимн чтению. Но гимн, содержащий тревожные нотки, особенно явственно звучащие в наши дни, когда Слово, Звук и Образ все чаще становятся не посланцами цивилизованности, не пищей, так необходимой для духовного роста, а эмоциональной жвачкой, не имеющей по сути никакого отношения к собственно духовной жизни.

Показательно, что когда речь заходит о книге, Торо позиционирует себя, как явного противника плоского практицизма. Он убежден: «Не напрасно фермер

запоминает и повторяет немногие услышанные им латинские слова. Иногда говорят, что изучение древних классиков в конце концов уступит место более современным и практически необходимым предметам, но пытливый ум всегда будет обращаться к классикам, на каком бы языке они не писали и как бы не были они древни. Ибо что такое классики, как не запасы благороднейших человеческих мыслей? Однако чтение подлинно хороших книг – дело, требующее больших усилий, чем любое из принятых ныне занятий. Для него нужна такая же подготовка, какую проходили атлеты, всецело посвящавшие себя своей цели» [2;121].

Развивая тему, Торо с болью, роднящей его с Абаем и Чаадаевым, пишет уже о своих соотечественниках. Боль эта – от наблюдений за необразованностью, которая в условиях формирующейся массовой культуры может крыться за внешней грамотностью. «Мы живем, – вздыхает он, – низменной жизнью, мы необразованны и безграмотны; и в этом отношении, я признаюсь, не делаю большого различия между безграмотностью тех моих земляков, которые не знают азбуки, и безграмотностью тех, кто выучился читать лишь для того, чтобы читать книги для детей и слабоумных. Мы должны стремиться сравняться с достойными людьми древности, и для этого надо, прежде всего, узнать об их деяниях. Но мы – мелкая порода, и наши духовные взлеты ограничены столбцами ежедневных газет» [2;129].

Жақып Қ.Х., қоғамдық ғылымдар кафедрасының доценті,
философия ғылымдарының кандидаты
Қостанай мемлекеттік педагогикалық институты

ЫБЫРАЙҒА ҚАТЫСТЫ ТЫҢ ДЕРЕКТЕР

Кейде ұлы адамдардың өмірінің бізге белгісіз тұстарына қатысты фактілер ұшырасып қалады. Мәселен, таяуда облыстық мемлекеттік мұрағат пен облыстық тарихи өлкетану мұражайында ұлы ұстаз Алтынсарин қызметін зерттеушілерді де, туған өлкіміздің тарихымен айналысатындарды да қызықтыратын құжат табылды. Ең алдымен мына жайға на-

Сегодня, в начале 21-го века, когда мир все более срастается с Интернетом и электронными СМИ, соперничающими с упомянутой Торо прессой, боль Торо особенно понятна. Его слова, его размышления побуждают вновь и вновь задумываться над судьбами нашей собственной цивилизации все более деформируемой Молохом глобализма и его неизменным спутником – американизированным до пародийности масскультом, будь то сфера СМИ, либо сфера образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии. Т.2.М.,1970.
2. Торо Г.Д. Уолден, или жизнь в лесу. М.,1979.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т.1М., 1970.

Түйіндеме

Мақалада XIX ғасырдың белгілі философ-романтигі Генри Тороның өркениеттің әртүрлі аспектілерін сынағаны, оның рухани ізденістерінің біздің заманымыздың мәселелерімен байланысты өзектілігі қарастырылған.

Conclusion

The article deals with the critical view of various civilization aspects by a famous philosopher-romantist of the XIX th century Henry Toro. It finds his spiritual search in tune with the modern problems.

зар аударайық. 1947 жылы Алтынсариннің шәкірті, оның ісін жалғыстырушы педагог, өлкетанушы және қазақ мектептерінің халық мұғалімі Зотик Петрович Толстых Қостанай облыстық кеңес атқару комитетінің торағасы Жүсіповтың атына хат жазады. Онда ол облыс басшыларын екі жылдан кейін Ы. Алтынсариннің қайтыс болғанына 60 жыл толатындығын